

ПУТЕШЕСТВИЕ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ В МОСКВУ: ГИПОТЕЗА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Шимолин В.И.
(Минск, Беларусь)

Франциск Скорина вошел в историю мировой культуры как основатель восточнославянского книгопечатания, ученый-просветитель, «в науках вызволенных и лекарских доктор», писатель, переводчик, редактор, языковед. Вся его подвижническая жизнь и многогранная деятельность не-

разрывно связаны с могучей эпохой XVI в., осененного знаменами Реформации, Просвещения, итальянского Возрождения. Таковым, собственно, это столетие сделали бунтарские порывы Эразма Роттердамского, Франсуа Рабле, Николая Коперника и других вольнодумцев.

С воззрениями великих мыслителей Франциск Скорина соприкоснулся в период итальянского путешествия, не догадываясь о великой миссии, которая выпадет на его долю. На формирование его эстетической позиции повлияли не только философы, но и величайшие художники Ренессанса Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Тициан, Дюрер. Соединим с этими именами и соотечественника нашего земляка Кирилла Туровского (1470–1533). Имя Франциска поставлено в один ряд с гениями мысли XV–XVI вв. его стремление жить «не к пожитку единого человека, но к посполитому, доброму».

А много ли нам известно о странствии Франциска в Москву, совершенном им в зрелом возрасте?

Факт появления Скорины в столице Великого княжества Московского пунктирно обозначен всего лишь секретной инструкцией, датируемой 1552 г., короля Речи Посполитой Сигизмунда II Августа (1520–1572), сына Сигизмунда I, посланнику в Риме: «Когда вот в годы царствования нашего Покойного отца один его подданный, руководствуясь набожным желанием, постарался святое писание русским языком напечатать и выдать, да пошел в Москву, книги его по приказу Князя публично были там сожжены потому, что принадлежал он к Римской церкви, а (книги) изданы были в местах, что подлежат ее влиянию» [1]. В этой фразе обнаруживается скрытый подтекст: противопоставляется свобода книгопечатания в странах католического вероисповедания с Русью, а также указывается невозможность издания русскими собственной книжной продукции.

Иных прямых документальных или иных свидетельств приезда Скорины в Москву не существует.

В то же время не известно ни единого факта публичного сожжения на Руси книг. Такие костры, бывало, полыхали в католической Европе, когда толпы фанатиков восторженно выли, взирая на огненные казни. Нечто похожее происходило и в нацистской Германии, хотя и значительно позднее.

Несмотря на неканоничность скорининских изданий (перевод на старобелорусский, тексты «от издателя» и пр.), никто их публично не жег. Более того, постановления церковного Стоглавого собора 1551 г., организованного по инициативе митрополита Макария, вовсе не призывали к уничтожению даже явно антихристианских книг, которых на Руси в те годы ходило немало.

Объективность требует отметить вражду двух ветвей христианства. Не в Москве, а в 1491 г. в Кракове по приказу католической церковной власти сжигались литургические книги Швайпольта Фиоля, отпечатанные в его типографии церковнославянским шрифтом.

Миф о сожжении скорининских книг родился, скорее всего, из наивно-го доверия некоторых историков к процитированному письму польского короля Сигизмунда Августа. Обратим внимание на стиль письма, выдержанного в неприязненном тоне к Московскому государству. Да и имя Скорины в письме не названо. Зато доподлинно известно, что Максим Грек знакомился в Москве с книгами Скорины.

Е.Л. Немировский отрицает пребывание в Москве белоруса-первопечатника, не соглашается с компетентными мнениями профессора Варшавского университета И.И. Первольфа и А.В. Флоровского. Впрочем, Немировский лишь уклончиво замечает, что «речь идет, по всей вероятности, о поездке не самого Скорины, а его финансиста и покровителя виленского купца Богдана Онкова» [6, с. 65]. Но вспомним письмо-инструкцию короля Сигизмунда, в которой однозначно указывается печатник из Вильно: «да пошел в Москву...». А упоминать купца Богдана Онкова всуе уже не стоит, так как к тому времени он ушел из жизни.

Изучение скудных архивных документов рождает больше вопросов, чем ответов. Прежде всего, подвергаются сомнению мотивы и причины, побудившие Франциска покинуть Вильно и отправиться навстречу приключениям. Более того, доказательство этого путешествия Франциска Скорины может выглядеть совсем иначе, чем трактовалось до сих пор, так как показывает его роль и значение в становлении российского книгопечатания.

На наш взгляд, наиболее вероятными могут быть три версии предпринятого им странствия: дипломатическая, финансовая и просветительская, гуманистическая. В каждой, взятой по отдельности, или во всех вместе, Франциск имел возможность «продвинуть» на Русь полиграфию, внедрить здесь книгопечатание, а, следовательно, ускорить процесс развития грамотности, культуры и просвещения родственного народа.

Мог ли Скорина войти в состав посольства, которое Сигизмунд I собирался снарядить в Великое княжество Московское? Эта версия представляется убедительной, учитывая стремление польского короля отодвинуть войну с Москвой на неопределенное время. И для этого представляется удобный, хотя и скорбный случай: в 1533 г. умирает Великий князь Московский Василий III. И король Сигизмунд считает это событие удобным поводом для продления ранее заключенного перемирия.

В пользу дипломатической версии свидетельствует удивительный факт, на который исследователи не обратили особого внимания. После освобождения из познаньской тюрьмы, Франциск Скорина получает от имени короля Сигизмунда не одну, а две охранные грамоты-привилеи. Первая – оберегала от назойливых кредиторов. А для чего понадобилась вторая?

Восстановим хронологию появления грамот.

После смерти брата Ф. Скорины купца Ивана, кредиторы предъявили Франциску счет за неоплаченный кредит. Им же удается по этой причине упрятать печатника в Познаньскую тюрьму.

На этом, однако, приключения Франциска не заканчиваются. Известно, что «в лето господне тысяча пятьсот тридцать второе», 17 июня 1532 г. Познаньский суд восстановил справедливость и окончательно решил дело в пользу Скорины. А 21 и 25 ноября король Сигизмунд подписывает две привилегированные грамоты, по которым Франциск Скорина признается невиновным и получает не только свободу, но и всевозможные льготы – защиту от любых судебных преследований (кроме как по королевскому предписанию), от арестов и полную неприкосновенность имущества, освобождение от повинностей и городских служб, а также «от юрисдикции и власти всех и каждого в отдельности – воевод, каштелянов, старост и прочих сановников, врядников и всяких судей» [3, с. 159].

Король, не чураясь саморекламы, не прочь объяснить подданным мотивы гуманного поступка: «Милостиво внимая просьбам некоторых наших советников и считая достойной доверия добродетель, необычайную ученость в искусстве медицины, опытность и умение (Георгия) Франциска Скорины из Полоцка, доктора искусств и медицины, желая удостоить его особой нашей милости, мы сочли необходимым предоставить ему данные льготы и преимущества» [Там же].

Еще одна причина, по которой Скорина отважился на путешествие, связана с его желанием восстановить и упрочить собственное финансовое положение, пошатнувшееся из-за судебных тяжб с кредиторами брата, иудеями-ростовщиками, смертью жены, сгоревшей типографии.

Белорусский эмигрантский историк и писатель Витовт Тумаш (псевдоним – Сымон Брага), в статье «Доктар Скарына ў Маскве» утверждал: «На думку аб падарожжы ў Маскоўшчыну Скарыну маглі наводзіць найперш практычныя меркаванні – спроба знайсці шырэйшыя рынкі збыту для выдадзенных праваслаўных рэлігійных кнігаў.... Каб за выручання грошы правоздзіць далей шырока задуманае выдавецтва, а найперш – давесці да завяршэння справу выдання ўсіх кнігаў перакладзенае ім Бібліі. Доктару

Скарыне магло карціць і выясьніць магчымасьці наладжаньня друкарскае справы ў самой Маскве» [4, с.13].

Названные причины представляются двумя сторонами одной медали.

Но существует еще и третья. Многоопытный Скорина, немало поколевиший по Европе, не мог решиться на поездку в Московию без надежной поддержки. Полученная им королевская привилея, вряд ли служила надежной защитой. И вот почему. Франциск, несомненно, знал о произволе вассалов московского князя, которые вели себя как разбойники с большой дороги. Подобными слухами земля русская полнилась. Наслышан оказался о них и Франциск Скорина, в памяти которого запечатлелись рассказы его спонсора, богатого купца Богдана Онкова об ограблении вассалами князя Василия III его богатого обоза, направленного в Москву.

Поскольку с 1522 г. действовало перемирие между ВКЛ и ВКМ – Великим княжеством Московским, то 30 марта 1527 г. послу Великого московского князя Ивану Ляцкому в Кракове власти вручили ноту протеста: «Да мешчанина виленского Богдана Онкова на (Велико)лутцкой дорозе розбили, листы у него отняли Можайских и от Шемячича; в одном листу четьреста коп широких грошей, а в другом листу пять сот коп грошей, полтораستا рублев денег готовых, чара серебряна позолочена, ложка, святость; и князь велики приказал дать на поруку их розбойников, Андреа да Ждана Перетрутовых детей и сына Жданова Мартына, водлуг ему умовы и отворота не учинили» [5, с.752].

На королевский протест великий князь московский отреагировал своеобразно: льстивым письмом заманил к себе грабителей, заточил в темницу, а себе присвоил не только их имущество, но и награбленное добро. Сам же Онков остался, как говорится, у разбитого корыта, проклиная московское беззаконие, князя и его подданных.

По этой причине надежной гарантией для Франциска явилось бы приглашение от какой-либо весьма влиятельной особы. Так как Великий князь Василий III (1479–1533) отошел в мир иной, а его преемник Иван (будущий царь Иван IV Грозный, 1530–1584) пребывал в малолетстве, приглашающей стороной могла выступить вторая ветвь власти – церковная. Действующий в то время Московский реакционер митрополит Данила не отличался гуманным отношением к иноверцам, пресекал любые поползновения на веру русскую, православную, да и на иноземные новшества смотрел косо.

Полной противоположностью ему можно считать архиепископа нижегородского Макария. Именно он по множеству причин и мог стать той фигурой, которая инициировала визит белоруса в Москву. Но Макарий в момент

предполагаемого приезда Скорины, находился в своей Новгородской епархии, и, следовательно, имел полное право пригласить того к себе. Тем более и случай представился: приглашенного ранее в этот город печатника-иностранца растерзали горожане, а затем и утоплен. Однако новгородская версия нового путешествия Скорины остается лишь заманчивой гипотезой.

Личность митрополита Московского и всея Руси Макария, его просветительская деятельность достойна упоминания. Жизни и трудам священника высокого сана посвящено немало исследований, в числе которых можно отметить работы Д. А. Урушева «Дивный святитель и пастырь», 2006 г., а также труд А.С. Усачева «Древнерусская книжность эпохи митрополита Макария: Книга степенная царского родословия», «Из истории древнерусской книжности времени митрополита Макария: Великие минеи четьи и Степенная книга», «Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария».

Макарий, хотя и носил духовный сан, не игнорировал светскую жизнь, слыл искушенным царедворцем. С начала служения на новгородской земле митрополит способствовал составлению нового Владычного летописного свода, уделял внимание реставрации старинных икон и храмов, в Софийском соборе по его указанию были подновлены фрески; он предпринял попытку собрать воедино все книги «в русской земле чтомые». В затаенный им Свод входили как жития святых, так и дидактические и богословские произведения, даже переводы иностранных книг. Поэтому не случайно исследователи деятельности митрополита отмечают его значительные усилия по организации на Руси книгопечатного дела. Для нас представляет интерес известие о том, что Библию Скорины знали и в Новгороде (Нелина Г.Н. «Франциск из славного места Полоцка»). Скорее всего, приобретение скорининской книги не обошлось без инициативы самого митрополита.

После смещения Данилы, его место передается Макарию, который 19 марта 1542 г. переезжает из Новгорода в Москву. Очевидно, на новом месте и происходит его знакомство с молодым диаконом Иваном Федоровым, одержимым идеей развития просвещения Руси через книгопечатание. Поэтому вряд ли стоит сомневаться, кто стал инициатором приглашения Скорины: скорее всего, таким пособником-посредником в организации визита в Москву Скорины мог выступить Иван Федоров.

Отметим, что в 1534 г., то есть в момент приезда в Москву, Скорине уже исполнилось 40 лет, а Федорову – 23. Достигнув периода рассвета творческой зрелости, овладев многими премудростями, Скорина к тому же снискал глубочайшее уважение европейских современников, в числе кото-

рых были люди простого звания, и монархи. По версии Е.Л. Немировского, Иван Федоров с «1530-х годов, по-видимому, принадлежал к окружению митрополита Макария. Под началом Макария занял в Москве должность диакона в Кремлёвском храме Николы Гостунского (Церковь Николая Чудотворца Гостунского. – Авт.)»[7, с.24].

По какой причине мы ставим имена Скорины и Федорова рядом?

Сопоставление не полных данных из сохранившихся документов, а также биографий Франциска Скорина и Ивана Федорова, позволяют предположить реальность их встречи в Москве.

Однако посещение Скориной Москвы в 1553 г., не совпадает с утверждением на высокий пост Макария. Нет ли здесь опечатки?

Оказывается новгородский владыка навещался в Москву и ранее: «Храм Николы Гостунского и его служители играли заметную роль в церковных делах Московского государства середины XVI в. Очевидно, это позволяло дьякону церкви Ивану Федорову быть курсе последних событий в области внутренней политики царя и митрополита. К церкви и ее притчу оказался близок митрополит Макарий, который еще в 1535 г., будучи архиепископом Новгородским, дважды служил у Николы Гостунского» [Там же]. Впрочем, нельзя исключить, что Макарий навещался в Москву и в 1533, 1534 г.

Сообщение известного историка полиграфии косвенно подтверждает нашу версию о состоявшейся встрече Федорова и Макария, в ходе которой тот мог предложить кандидатуру Скорины для организации типографии. Кстати, наше предположение о том, что Макарий прислушивался к мнению просвещенного дьякона Федорова, подтверждает и он сам в послесловии к своему «Апостолу» (1564). По его словам, митрополит Макарий благословил идею создания типографии в Москве.

Русского первопечатника Ивана Федорова объединяет с Франциском Скориной не только общее занятие – книгопечатание, но и высокая цель, родство душ: поднять на более высокий уровень народное просвещение и образование. Некоторые историки высказали смелую гипотезу: Франциск Скорина и Иван Федоров – выходцы из белорусских земель. Впервые эту версию выдвинул В.К. Лукомский в книге «Иван Федоров первопечатник» [8, с. 167–175] а также Е.И. Немировский в «Очерках об истории издательской марки». Более того, белорусские краеведы отважились предположить, что местом рождения Федорова может быть территория современного Вилейского района Минской области [9].

Или вот еще одно совпадение. Франциск и Иван обучались в Краковском университете (академии), однако в разное время. Скорина, а за ним и

Федоров слушали лекции на факультете вольных искусств. Ф. Скорина закончил учебу в 1506 г., а Федоров – в 1532 г. Блестящая идея организации печатного дела у обоих студентов зародилась именно здесь.

Именно в Краковском университете увидели свет книги, напечатанные кириллическим шрифтом Швайпольтом Фиолем в 90-е гг. XV в. Кстати, здесь же Фиоль приобрел славу «славянского Гутенберга» и здесь же потерял все свое достояние: его типография была разгромлена религиозными фанатиками, а он сам попал в тюрьму. Некоторые исследователи полагают, что Скорина был знаком с книгами Фиоля [10].

Из Кракова Франциск отправляется для продолжения образования в Италию, а Иван несколькими годами позже – на родину, в Московию, что подтверждает и выписка из университетской метрики к его фамилии «Johannes Theodori Moscus», то есть «московский».

И еще одно совпадение. В Падуанском университете Франциск оказался всего лишь десять лет после его окончания Николаем Коперником. Мировоззрение польского ученого, несомненно, повлияло на формирование просветительских взглядов белоруса, определило цель жизни: сделать книгоиздательство основным средством народного просвещения. Аналогичное влияние на юного Федорова оказал и Франциск Скорина, ведь Краковский университет, его воспитанники не могли не гордиться успехами бывшего выпускника в медицине и книгопечатании. До стен этого учебного заведения доходили вести о том, что их выпускник в 1517 г. основал в Праге типографию, издал на кириллице первую печатную белорусскую книгу «Псалтырь», с 1517 по 1519 гг. перевел и издал два десятка книг Библии, а переехав в Вильно – основал первую на территории Великого Княжества Литовского (ВКЛ) типографию, в которой увидели свет «Малая подорожная книжка» (1522) и «Апостол» (1525).

Титанический труд Франциска Скорины, предпринятая им поездка в Москву, не пропали даром, что подтверждает сам факт открытия первой русской книгопечатни в 1553 г. в Москве на Никольской улице по распоряжению царя Ивана Грозного. Строительство российского «дома печати» длилось целое десятилетие. Первую русскую книгу «Апостол» нашим землякам Ивану Федорову и Петру Мстиславцу удалось отпечатать лишь в 1564 г. Современные исследователи, однако, обратили внимание на шрифт и заставки, которые они признали идентичным скорининским.

Новациями, которые подорвали основы средневековья и феодализма, Фридрих Энгельс назвал изобретение бумаги и книгопечатания. Виктор Гюго узрел в полиграфии зародыш всех революций. В когорте революци-

онных преобразователей печатного дела, наряду с Гуттенбергом, Швайпльдом Фиолем, стоят Иван Федоров и Петр Мстиславец. Особое место среди первопроходцев занимает белорус Франциск Скорина. По мнению ряда исследователей, оформительское художественное мастерство творений нашего земляка оставило заметный след на печатных работах чешских и немецких мастеров печатных дел. Факты – упрямая вещь. И они наводят на размышления о непосредственном влиянии Скорины на развитие книгопечатания и на российских землях.

Литература и источники:

1. Fiedler, J/ Ein Fersuch der Vereinigung der russicshen mit der roemischen Kirche im sechzehnten Jahrhunderte J. Fiedler. – Wien, 1862. – p.108–113.
2. Мыльников, А.С. Вопросы изучения поздней рукописной книги (проблематика и задачи) / А.С. Мыльников // Рукописная и печатная книга. – Москва : Наука, 1975. – С. 19–36.
3. Францыск Скарына. Зборнік дакументаў і матэрыялаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 341с.
4. Брага, С. (Тумаш В.). Доктар Скарына ў Маскве / С. Брага // Прадм. Г. Сагановіча. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 47 с.
5. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными: т. 1–10. – Т. 1. – Санкт-Петербург, 1851–1871.
6. Немировский, Е.Л. Возникновение книгопечатания в Москве / Е.Л. Немировский. – Москва : Книга, 1964. – 403 с.
7. Немировский, Е.Л. Франциск Скорина: Жизнь и деятельность белорусского просветителя / Е.Л. Немировский. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. – 597 с.
8. Иван Федоров первопечатник: сборник статей. – Москва, 1935.
9. Капцюг, А. Першадрукар Иван Фёдараў нарадзіўся на Вілейшчыне / А. Капцюг. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <http://www//gh.by/by/112/120/2844/>. – Дата доступу: 10.11.2015.
10. Запартыка, Г. Страчаныя скарбы манастырскіх бібліятэк / Г. Запартыка // 480 год беларускага кнігадрукавання: Матэрыялы трэціх Скарынаўскіх чытаньняў / Гал. рэд. А. Мальдзіс і інш. – Мінск : Беларуская навука, 1998. – С. 198–205.